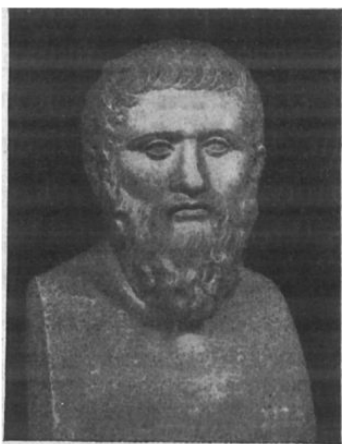

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Платонъ училъ, что существуютъ два міра—міръ земной и міръ неземной. Первый находится вокругъ насъ, второй—гдѣ-то въ небесахъ надъ звѣздами. Первый—міръ реальный, міръ вещей, постигаемыхъ нашими чувствами. Онъ преходящъ, какъ сами вещи. Второй—міръ идеальный, міръ вѣчныхъ идей. Каждая вещь на землѣ имѣетъ свою идею въ небесахъ. Нашъ земной міръ есть только отраженіе міра небснаго и наше человѣческое знаніе есть только отблескъ вѣчнаго свѣта.

Идеи въ Небѣ расположены въ извѣстномъ порядкѣ. Онѣ образуютъ собою словно гору, на вершинѣ которой находится высшая Идея истины, добра и красоты. Души человѣческія до рожденія

людей стремятся вверхъ по этой горѣ, но страсти, въ видѣ необузданныхъ дикихъ коней, мѣшаютъ имъ подняться. Души падаютъ на землю. Рождаются люди. Не всѣ люди способны постигать красоту и истину, а только тѣ, чьи души высоко подымались въ Небѣ. И этимъ людямъ «грустныя пѣсни земли» не замѣняютъ слышанныхъ ими небесныхъ звуковъ.

Существованіемъ двухъ міровъ, существованіемъ идей, помимо нашего земнаго міра, Платонъ объясняетъ все на свѣтѣ.

Это объясненіе красиво. Въ его образахъ чувствуется полетъ могучей фантазіи античнаго грека. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это платоновское воззрѣніе на міръ довольно глубоко. Къ двойственности міровъ, къ дуализму возвращались многіе позднѣйшіе философы, и безъ этой двойственности цѣлый рядъ фактовъ почти не поддается объясненію.

Однако, слабое мѣсто всѣхъ подобныхъ теорій заключается въ „связи“ обоихъ міровъ. Въ чемъ связь міра реального съ міромъ отвлеченныхъ идей? Какимъ образомъ переходятъ къ намъ на землю эти идеи, царящія гдѣ-то тамъ надъ звѣздами? Гдѣ мостъ, соединяющій два міра? Идеи — вѣчные образы вещей. Но посредствомъ чего эти образы превращаются въ самыя вещи?

Платонъ также ясно сознавалъ эти вопросы. Его ученіе объ Эросѣ (о любви) является прямымъ на нихъ отвѣтомъ.

Связь, по мнѣнію Платона, между міромъ реальнымъ и міромъ идей заключается въ Любви. Природа Эроса—двойственная. Отецъ его—излишество, а мать—нищета. Отецъ его—сила и богатство Бога, а мать—слабость и немощность человѣческой натуры. Эросъ самъ ни богъ, ни человѣкъ. Онъ—великій «демонъ», посредникъ между богами и людьми. Благодаря Эросу, благодаря любви, люди постигаютъ Бога. Любовь вдохновляетъ людей, заставляетъ ихъ стремиться къ прекрасному. Любовь превращаетъ всякаго въ поэта.

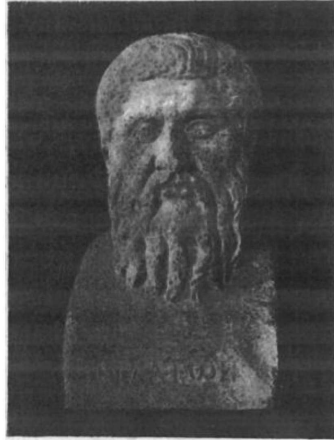
Эросъ одаренъ всякими качествами, вмѣстѣ съ тѣмъ, у него немало недостатковъ. Онъ ловокъ, изворотливъ, находчивъ, какъ софистъ. Между тѣмъ, онъ такъ бѣденъ и немощенъ, что часто негдѣ ему ночевать. Онъ спитъ подъ открытымъ небомъ, подъ звѣздами. Эросъ—посредникъ двухъ міровъ. Онъ ногами стоитъ на землѣ, а голова его въ небѣ. Эросъ властвуетъ надъ міромъ. Даже боги подчиняются ему. Любовь царитъ надъ всей вселенной.

Книга Платона, посвященная любви, интересна еще въ другомъ отношеніи. Это одно изъ самыхъ художественныхъ произведеній греческаго философа. Въ «Пирѣ» удивительнымъ образомъ слилась сила философской мысли съ поэтичностью формы. Всѣ дѣйствующія въ немъ лица—живые люди. Всякій говоритъ своимъ языкомъ и высказываетъ свои мысли. Врачъ Эриксимахъ говоритъ

о любви, какъ медикъ, рѣчь Аристофана вся словно проникнута комизмомъ, разговоръ Сократа поражаетъ глубиной и оригинальностью. И всѣ эти рѣчи заключены въ живую картину античной жизни. Предъ нами домъ грека во время веселаго ужина, рабы, умывающіе ноги гостямъ и подающіе широкіе сосуды вина, дѣвушки, играющія на флейтахъ, шумная толпа весельчаковъ на улицѣ. Все это живетъ полною жизнью, всѣ пьютъ, радуются, размышляютъ и наслаждаются своею мыслью. На всемъ печать красоты и силы генія Платона.

Пиръ—съ греческой вазы.

Изданія и переводы «Пира».

Изданій греческаго текста Платона существуетъ довольно много. Первыя изданія съ латинскимъ переводомъ Марсилія Фицина или Фичина 1483—84 гг. Греческій текстъ изданъ въ Венеціи у Альда Мануція—1513 г., въ Парижѣ—Генриха Стефана въ 1578 г. Кромѣ текстовъ XVI вѣка, имѣются болѣе новыя и болѣе извѣстныя изданія: Вольфа (Лейпцигъ) 1782 г., Аста 1809 г., Рейндерса 1825 г., Тирша (Геттингенъ) 1808 г. Кромѣ того, еще изданія Зюденгама (Sydenham), Беккера 1816—25 гг., Шталльбаума (Stallbaum) 1821—33 гг. и др. При переводѣ „Пира“ я пользовался текстомъ Гиршига „Platonis opera ex recensione K. B. Hirschigii“ въ парижскомъ изданіи Didot 1856 г. Изданіе это цѣнно, потому что оно свѣрено съ другими изданіями текста, и въ немъ помѣчены всѣ отличія и несоотвѣтствія разныхъ изданій. Кромѣ того, при греческомъ текстѣ напечатанъ латинскій переводъ Фицина.

Изъ всѣхъ существующихъ переводовъ „Пира“ Платона самымъ близкимъ къ подлиннику слѣдуетъ считать переводъ латинскій. Это происходитъ помимо умѣнія переводчика, главнымъ образомъ, отъ того, что латинскій языкъ болѣе родственъ греческому, чѣмъ новые языки. Тѣмъ не менѣе, и въ переводѣ Фицина попадаются описательныя выраженія, иногда онъ вставляетъ цѣлыя строки, которыхъ нѣтъ въ текстѣ, или нѣсколько греческихъ словъ переводитъ однимъ латинскимъ.

Переводъ Платона на новые языки представляетъ большую трудность. Новые языки отличаются отъ латинскаго и греческаго самымъ строемъ, такъ сказать, самымъ духомъ языка. Ихъ основы разныя. Древніе языки—синтетическіе, новые—аналитическіе. Античный грекъ или римлянинъ старался въ одну фразу вмѣстить какъ можно больше мыслей и понятій. Мы же, напротивъ того, стремимся распространять нашу мысль, мы разлагаемъ ее на возможно большее число словъ и фразъ. Классики писали періодами, въ которыхъ предложенія поглощаютъ другъ друга, словно китайскіе ящики. Мы же не терпимъ длинныхъ фразъ и избѣгаемъ придаточныхъ предложеній. Сжатость античной рѣчи требовала все-таки нѣкотораго отдыха и разнообразія. Древніе авторы поэтому прибѣгали часто къ повтореніямъ. Иногда повторяется цѣлая фраза даже въ одномъ предложеніи. Эти два свойства, сжатость и повторенія, составляютъ главную трудность для всѣхъ переводчиковъ.

Лучшій переводъ на нѣмецкомъ языкѣ сдѣланъ Мюллеромъ. Hieronymus Müller. *Platon's sämtliche Werke* 13. IV. Leipzig, 1854. Предисловія Steinhart'a. „Пиръ“ *Das Gastmahl* съ примѣчаніями на стр. 185—370. Переводъ весьма точный, отличается большой близостью къ подлиннику, но сухой и не всегда красивый. Въ немъ чувствуется много науки и мало жизни. Примѣчанія Müller'a не всегда удачны.

Онъ дѣлаетъ догадки, ни на чемъ не основанныя. Несмотря на это переводъ Müller'a одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ переводовъ Платона. Онъ полонъ и обладаетъ всѣми научными достоинствами.

Англійскій переводъ принадлежитъ перу профессора оксфордскаго университета В. Jowett'у. Весь Платонъ изданъ въ пяти томахъ. „Пиръ“ во II-мъ томѣ 1875 г., стр. 1—75. Этотъ переводъ въ общемъ не уступаетъ по точности нѣмецкому, но онъ неизмѣримо живѣе и красивѣе. Онъ передаетъ греческую мысль во всей ея силѣ. Jowett большой стилистъ и не лишень художественнаго чутья. Кромѣ того, онъ вполне освоился съ платоновскою мыслью, не только какъ филологъ, но и какъ философъ. Въ своихъ предисловіяхъ къ діалогамъ онъ выясняетъ значеніе нѣкоторыхъ вопросовъ Платона для современной жизни. Остается пожалѣть только, что Jowett не далъ примѣчаній и что иногда, увлекаясь самой мыслью Платона, онъ передаетъ текстъ не его словами. Переводъ Jowett'a, тѣмъ не менѣе, долженъ быть признанъ образцовымъ.

Лучшій изъ французскихъ переводовъ написанъ Кузеномъ, *Oeuvres de Platon, traduites par Victor Cousin*, 1831 г. „Пиръ“ въ VI-мъ томѣ. — „*Le banquet ou de l'amour*“, стр. 235—345. Это самый красивый и самый легкій изъ переводовъ Платона. Онъ отличается даже изяществомъ, но онъ не передаетъ прямоты и нѣкоторой грубоватости текста и далеко не точенъ. Онъ уступаетъ нѣмецкому и англійскому переводамъ въ близости къ подлиннику. Болѣе новый французскій переводъ Платона Saisset и Chauvet („Пиръ“ переведенъ Saisset) 1869—70 гг. болѣе наученъ, но не такъ красивъ.

Переводы „Пира“ Платона на французскомъ языкѣ имѣютъ свою исторію.

Въ 1559 г. въ Парижѣ Людовикъ Реріусъ — Louis le Roi — профессоръ греческой философіи въ Коллежѣ de

France перевелъ *Symposion* и написалъ при томъ три книги комментаріевъ, выбранныхъ изъ „всей философіи и изъ лучшихъ греческихъ и римскихъ авторовъ“. Первую книгу онъ посвятилъ молодому дофину Франциску II и его юной супругѣ, знаменитой Маріи Стюартъ, вторую книгу—шотландскому королю, а третью—„прекрасной шотландской королевѣ“. Курьезно читать, какъ наивный профессоръ посвящаетъ въ тайны любви Марію Стюартъ. Комментаріи его въ духѣ Фіцина и итальянской философіи XVI-го вѣка. Другой, еще болѣе любопытный переводъ „Пира“ сдѣланъ былъ въ XVII-мъ вѣкѣ и принадлежитъ женщинѣ. Это переводъ г-жи Рошешуаръ, аббатиссы Фонтевро, сестры г-жи Монтеспанъ (*M-me Rochechouar, abbesse de Fontevrault*). Переводъ этотъ не точенъ. Скромная монахиня измѣнила многое въ Платонѣ, и слогъ ея напоминаетъ не простоту Греціи, а манерность вѣка Людовика XIV. Переводъ этой монахини, впрочемъ, очень цѣненъ потому, что часть его поправлена рукою Расина.

На русскомъ языкѣ единственно полный переводъ Платона сдѣланъ проф. Карповымъ въ 6 тт. 1867—79 гг. Этотъ почтенный во многихъ отношеніяхъ трудъ устарѣлъ настолько, что по языку его легко принять за произведение Тредьяковскаго. Одного примѣра достаточно, чтобы дать о немъ понятіе. Аристофану въ „Пирѣ“ врачъ совѣтуетъ стараться чихнуть, чтобъ отдѣлаться отъ икоты. Карповъ переводитъ: „Надо вызвать чихоту (*sic!*)“. Кроме того, переводъ не всегда вѣренъ. Проф. Н. Гротъ говоритъ про Карпова, что его переводъ „тяжелъ по языку и мѣстами невѣренъ“ (Очеркъ философіи Платона. Москва 1879 г.). Переводъ Карпова нельзя сравнивать съ иностранными переводами.

П И Р Ъ.

Аполлодоръ. Я, кажется, вполне приготовленъ разсказать то, о чемъ вы спрашиваете.

Недавно шелъ я случайно изъ своего фалерскаго дома въ городъ. Вдругъ меня окликнулъ съзади одинъ знакомый. Онъ увидалъ меня издали и позвалъ.—„Неужели ты, житель Фалера, Аполлодоръ ¹⁾),—сказалъ онъ, шутя,— не подождешь меня!“— Я остановился и подождалъ.—„Аполлодоръ,—сказалъ онъ тогда,—я какъ разъ искалъ тебя, я хочу тебя просить, разскажи мнѣ, что произошло у Агафона ²⁾ въ тотъ день, когда пировали у него Сократъ съ Алкивиадомъ и другіе. Говорятъ, шла рѣчь о любви. Мнѣ очень хотѣлось бы узнать, что было ими сказано объ этомъ. Я слышалъ кое-что отъ одного человѣка, которому разсказывалъ нѣкій Финикъ, сынъ Филиппа, но онъ не могъ передать мнѣ ничего толкомъ. Онъ сказалъ мнѣ только, что и тебѣ это извѣстно. Поэтому прошу тебя разскажи мнѣ ты. Вѣдь это даже долгъ твой возвѣщать другимъ рѣчи твоего друга. Но

раньше всего скажи мнѣ: присутствовалъ ты самъ при этой бесѣдѣ или нѣтъ?“—„Несомнѣнно,— отвѣтилъ я,—тебѣ не сообщилъ твой собесѣдникъ ничего точнаго, потому что ты говоришь объ этой бесѣдѣ, словно она была недавно, и я могъ на ней присутствовать“.—„И такъ думалъ“.—„Что ты, Главконъ!—сказалъ я,—развѣ ты не знаешь, что Агаеонъ уже много лѣтъ не пріѣзжалъ въ Аѣины?—Я же только три года посѣщаю Сократа и стараюсь каждый день изучать его слова и поступки. До того же времени, по волѣ судьбы, я блуждалъ изъ стороны въ сторону, я думалъ, что дѣлаю дѣло, а на самомъ дѣлѣ я былъ несчастнѣйшимъ изъ людей, воображая, какъ ты теперь, что надо заниматься всѣмъ (чѣмъ угодно), только не философствовать“.—„Однако, кромѣ шутокъ,— перебилъ онъ меня,—скажи мнѣ, когда состоялася эта бесѣда?“—„То было давно. Мы съ тобой были еще совсѣмъ дѣтьми. Агаеонъ получилъ тогда награду за свою первую трагедію и бесѣда состоялася какъ разъ на слѣдующій день, послѣ того, какъ онъ со своими хористами ³⁾ принесъ жертву въ честь побѣды“.—„Да, то время давно прошло,—замѣтилъ онъ.—Но кто же тебѣ рассказаль про эту бесѣду? Самъ Сократъ?“—„Да нѣтъ же, клянусь Зевсомъ,—воскликнулъ я.—Я знаю все со словъ того, кто рассказывалъ Финику, т.-е. со словъ Аристодема изъ Кидеиной, того маленькаго человѣка, что ходитъ всегда босымъ. Онъ былъ при той бесѣдѣ и, какъ мнѣ кажется, это самый ревностный изъ всѣхъ поклонниковъ Сократа. Я не разъ спрашивалъ Сократа о томъ, что слышалъ отъ Аристодема, и Сократъ подтверждалъ его слова“.—„Но почему же мнѣ ты не расскажешь? По дорогѣ въ городъ вѣдь удобнѣе всего и говорить, и слушать“.— Я согласился, и мы стали бесѣдовать въ пути. Какъ я сказалъ уже раньше, я былъ достаточно подготовленъ къ этой бесѣдѣ, и если хотите, чтобъ я рассказывалъ, я начну. Впрочемъ, мнѣ и самому очень пріятно бесѣдовать и слушать рѣчи о философіи, не говоря о пользѣ, которую притомъ извлекаешь. А всякій разъ, какъ я слушаю другіе разговоры, ваши дѣловые разго-